

УДК 03.09.23

**ТАВРЫ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ:
«ИФИГЕНИЯ ТАВРИЧЕСКАЯ» КАК ОБРАЗ
В МИФЕ И МИФОЛОГИЧНОСТЬ ОБРАЗА**

Ю. С. Обидина

*ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия*

Рассматривается миф об Ифигении как пример взаимоотношений между греками и племенами, населявшими Причерноморье до эпохи греческой колонизации. Показано, что образ тавров как образ «врага» сложился не только под влиянием взаимоотношений греков с местными племенами, но и как результат развития мифологемы от мифологической архаики к классической греческой мифологии.

Ключевые слова: миф, Причерноморье, тавры, Ифигения, Еврипид, колонизация.

История и культура древнего Причерноморья, быт и нравы населявшего эту территорию народов нашли отражение в древнегреческой мифологии. Реальные исторические данные весьма причудливо сочетаются с пластичностью греческого художественного слова. Специфика источников, а это в первую очередь эпос и мифы, не представляют возможности провести четкую историческую реконструкцию Причерноморья догреческого периода. Тем не менее отражение образа жизни тавров, их обычаев и верований в мифологии говорит о том, что эти народности сыграли важную роль в жизни материковой Греции, поскольку способствовали формированию мифологем и мифогенных конструктов.

Пожалуй, самыми яркими примерами подобного рода конструктов могут стать миф об Ифигении, включенный в «Илиаду» Гомера, «Аргонавтика» и драма «Ифигения в Тавриде» Еврипида.

Говоря об образе тавров, необходимо оговориться, что следует различать образ в мифе и мифологичность образа. Дело в том, что «образ тавров» в античных источниках – это всегда классический «образ врага». Мифологичность же образа говорит о скрытых интенциях, которые не всегда лежат на поверхности.

Наиболее яркими мифами, в которых тавры предстают в соответствующем образе врага, являются «Аргонавтика» и миф об Ифигении в Тавриде, изложенный Еврипидом в одноименной драме. Миф об аргонавтах, как и миф об Ифигении в Тавриде, имеет одно связующее звено – отсутствие шансов для греков вернуться из чужих краев обратно на родину.

К этому же роду представлений можно отнести миф о Сцилле и Харибде, описанный у Гомера (Гомер. Одиссея. XII, 85–100; 245–259). Сцилла и Харибда – это сталкивающиеся скалы, которые не дают путешественникам возможности попасть из Средиземного моря в Черное. При этом данный миф имеет под собой реальную основу. Дело в том, что в Боспорском проливе существовало два течения, направленных в противоположные стороны. Неслучайно греки называли Черное море негостеприимным – Понтос Аксейнос. Одно из этих течений не позволяло греческим судам пройти через Босфор в Черное море.

К этому же кругу мифологических представлений можно отнести и представления о Киммерии. В «Одиссее» Гомера Киммерия изображена как «грустная область, покрытая вечно влажным туманом и тучами» (Гомер, Од., XI). Здесь также прослеживаются представления о Боспоре Киммерийском как о местности негостеприимной и о трудностях и невозвратности пути туда.

По всей вероятности, киммерийцы стали общим нарицательным названием варварского населения Причерноморья. Сюда же, видимо, можно отнести и племя тавров, населявшее Крымский полуостров [3, с. 28; 12].

Миф об Ифигении также содержится у Гомера в «Илиаде» (Гомер. Илиада, IX), но, в отличие от мифа о Сцилле и Харибде, имеет самостоятельное значение в культурных представлениях понтийских греков. Этот миф, пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует проблему взаимоотношений балканских греков с варварской периферией в тот период времени, когда данная проблема еще окончательно не получила своего теоретического обоснования (существует точка зрения, что противопоставление греков и варваров как своих и чужих сложилось только со времен Греко-персидских войн) [10, pp. 24–28]. Окончательно миф об Ифигении сложился в Греции в VII–VI вв. до н. э., а наиболее ранний его вариант был зафиксирован в «Киприях» – эпической поэме начала VII в. до н. э., посвященной предыстории Троянской войны. Миф повествует о том, что во время сбора греческих кораблей в беотийской гавани Агамемнон убил лань Артемиды. Разгневанная богиня наслала на флот северный ветер, который не только мешал кораблям отплыть к Трое, но и крушил корабли в самой гавани. Артемида потребовала себе в жертву Ифигению, дочь Агамемнона. Девушку вызвали из Аргоса под предлогом бракосочетания с Ахиллом и закололи на алтаре Артемиды. Однако богиня спасла девушку от жертвенного ножа, перенесла Ифигению в далекую Тавриду (нынешний Крым), где Ифигения стала жрицей в ее храме (Еврипид. Ифигения в Тавриде, 6–30; 210–220, 358–377; 783–786).

В этой форме миф распространился не только в Элладе, но и далеко за ее пределами. Геродот, сообщая о существующем у скифов в Тавриде культе богини Девы (местный эквивалент греческой Артемиды), добавляет, что они называют эту богиню Ифигенией, дочерью Агамемнона (Геродот, IV, 103).

Кроме того, наряду с мифом, в Аттике также существовал культ Ифигении – жрицы Артемиды. Причем здесь влияние скорее обратное – вернувшаяся на родину Ифигения становится жрицей, но в ее храме уже не приносятся человеческие жертвы. Налицо противопоставление «цивилизованного» мира греков «варварской» периферии Причерноморья.

Данные культа и мифа впервые объединил, по-видимому, Софокл в своей не дошедшей до нас трагедии «Хрис»: когда Орест, мстя за Агамемнона, убил свою

мать Клитемнестру, Аполлон приказал ему отправиться в Тавриду, где по приказу местного царя в жертву Артемиде приносили всех попавших в эти края греков (Еврипид, Ифигения в Тавриде, 31–39), похитить там деревянную статую Артемиды и привезти ее в Элладу (Еврипид, Ифигения в Тавриде, 82–92; 972–982) [16, с. 578].

Таким образом, в мифе об Ифигении отразились напластования различных периодов общественного сознания: Артемида первоначально – зооморфная богиня, почитаемая в виде медведицы или лани, со временем она становится покровительницей этих животных и мстит человеку за их убийство. Человеческое жертвоприношение со временем начинает считаться непростительной жестокостью, поэтому Ифигения не погибает у жертвенного алтаря, а обычай приносить в жертву людей приписывается «варварам» (ст. 380–390), из чьих рук Орест и должен спасти изображение богини, оскверняемое пролитием человеческой крови [16, с. 571]. На этот мифологический контекст накладывается и историческая реальность, которая проявлялась во взаимоотношении балканских греков с причерноморскими соседями.

В середине V в. до н. э. состоялось путешествие к берегам Скифии Геродота, и античная традиция дополнилась новыми свидетельствами касательно повседневной жизни тавров. В своей «Истории» он подробно описал и Великую Скифию, и поход Дария на скифов, и самих тавров, и их религиозные верования [6].

Миф об Ифигении находит свое отражение и у Павсания в его «Описании Эллады» [14]. Причем, несмотря на прошедшие столетия, мифологические образы отнюдь не перестали представлять из себя образы «вражеские». В частности, ссылаясь на Гесиода и Геродота, Павсаний пишет: «... Я знаю, что, по словам Гесиода в “Каталоге женщин”, Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой». Согласно этому Геродот пишет, что тавры, живущие в соседстве со Скифией, приносят потерпевших кораблекрушение в жертву деве и эту деву называют Ифигенией, дочерью Агамемнона (Павсаний. Описание Эллады. I, 43, 1).

О том, что Ифигении было даровано Артемидой бессмертие, сообщает и Аполлодор (Apollo. Epit. III, 21–22). По сути Ифигения становится самой ипостасью богини [15, с. 90].

Интересна трансформация образа Ифигении при переносе с балканской Греции на полуостров и обратно. При этом образ девушки, жертвующей собой ради общего дела, заменяется образом страшной старухи-колдуньи, жительницы подземного мира и приносящей живым исключительный вред. То есть мы видим удивительную трансформацию мифологического образа, который оказывается под воздействием представлений о народе, населявшем Причерноморье. Стоило же Ифигении вернуться на родину, как ее жестокость вмиг улегучилась, и она становится защитницей и покровительницей, а не разрушительницей и губительницей.

Сама возможность такой трансформации указывает на то обстоятельство, что греки познакомились с северным берегом Черного моря задолго до того, как стали выводить туда свои многочисленные колонии. Возможно, первоначально это была «разведка боем», и впечатления о местных природных условиях и жителях наложило свою негативную окраску. Затем греки решаются на создание в Причерноморье временных торговых факторий. И лишь впоследствии дело дошло до основания здесь постоянных поселений-колоний.

Видимо, во время этих процессов произошла и эволюция в наименовании Черного моря от Понта Аксинского – Негостеприимного моря – до Понта Эвксинского – Моря Гостеприимного.

Исторические коннотации можно обнаружить и в процессе возвращения Ифигении на родину. Дело в том, что с заселением греками Причерноморья совпадает «начало знаменательного периода в истории Эллады, который часто называют то “греческим чудом”, то духовной революцией или культурным переворотом» [9, с. 28].

Рассказы древних авторов о таврах впечатляют своей красочностью и кровавостью. Геродот, Еврипид, Аполлодор и Овидий свидетельствуют о том, что «если кто-либо из воинов-тавров захватывал пленника, то собственноручно обезглавливал его, нес голову домой и сажал ее на длинный шест над дымоходом, чтобы его домашние могли жить под защитой убитого. Более того, любой потерпевший кораблекрушение или укrywшийся в бурю у их берегов моряк приносился публично в жертву Артемиде Таврической. Совершая подготовительные обряды, они убивали пленника дубиной, отрубленную голову прибавляли к столбу, а тело или погребали, или бросали в море со скалы, на которой стоял храм Артемиды. Если же в их руки попадал пленник, принадлежавший к царскому роду, то его убивала мечом девственница – жрица богини, и швыряла труп в священный огонь, пробивавшийся наверх из Аида на принадлежавшем храму участке» (см.: Геродот IV. 103; Овидий. Письма с Понта III. 2. 45 и сл.; Аполлодор. Мифолог. библиотека, VI. 26; Еврипид. Ифигения в Тавриде, 40 сл., 88). Но у того же Геродота мы встречаем оговорку, что «Некоторые, правда, утверждают, что эта жрица руководит обрядами, предварительно приносит очистительную жертву и срезает волосы у жертвы, но не убивает самого пленника» (Геродот, IV. 105).

Образ Ифигении как никакой другой образ имеет коннотации со многими аспектами древнегреческой реальности. Уже в древности Ифигения рассматривалась не только как жрица Артемиды, но и как руководительница обряда жертвоприношения, колдунья и жестокая мстительница, другими словами, ее образ был хорошо адаптирован для переноса из материковой Греции в Причерноморье и наоборот. В этом образе заключается множество метафор, которые позволяют говорить о взаимоотношениях эллинов и варварской периферии не только в области мореплавания, торговли, но и в области культурных и религиозных представлений.

Причем в разные периоды истории образ Ифигении трактовался в фокусе социокультурных запросов эпохи, и Ифигения не всегда была в центре внимания мифа. В римское время на первый план в мифе выходила, например, тесная дружба Ореста и Пилада, особенно стремление каждого умереть вместо другого. Именно взаимная преданность двух друзей находит отражение и получает развитие в творчестве Цицерона, Овидия, Марциала, а Лукиан возводит их в ранг легендарных героев среди скифов, которые приносят им жертвы в храмах. Эти примеры говорят не только о смещении акцентов среди персонажей, но также о миграции мифа в новые жанры, такие как ораторское искусство, элегия и философский диалог [17, p. 121].

Отдельно следует сказать несколько слов и о самой трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Текст Еврипида был найден в XIV в. и опубликован Альдом

Мануцием в 1503 году. Именно он во многом послужил образцом для воссоздания классической греческой драмы. При этом в эпоху Возрождения сюжет Еврипида разыгрывается в христианских реалиях. Ифигении отведена роль благочестивой монахини, а Оресту – образ святого самопожертвования [17, p. 121].

Но не следует забывать, что «Ифигения в Тавриде» – это в первую очередь «черноморская» трагедия Еврипида, поэтому несомненна трансцендентная значимость образа Ифигении. Она по сути является уникальной героиней в греческом театре. Таврическая Ифигения выходит на первый план, когда появляются социокультурные причины для объяснения роли и места женщины в истории и даже для насаждения европоцентристских настроений.

Таким образом, эта драма Еврипида впитала в себя не только и не столько исторические реалии, и даже не приписываемые мифологемами социально значимые поступки и нормы. Неслучайно еще Аристотель считал характер Ифигении непоследовательным, так как «горюющая Ифигения нисколько не походит на ту, которая является впоследствии» (Аристотель. Поэтика, гл. V).

Ифигения становится олицетворением человечности, тем образом, который позволяет говорить о созидательной силе цивилизации и ее победе над варварством. При этом ей удастся не просто остаться при этом в живых, но и вернуться на родину, что крайне важно для законченности мифологического образа.

Кроме того, Ифигения представляет собой этиологический образ, который связывает северное побережье Черного моря с важными культовыми местами в Аттике, что сложно проследить исторически за неимением убедительных свидетельств источников. Это означает, что существовало не только экономическое, но и двустороннее этническое и культурное взаимодействие между метрополией и варварской периферией, и в этой области значений дихотомия «свой – чужой» не всегда являлась преобладающей.

Таким образом, в своей трагедии Еврипид представил миф об Ифигении как иллюстрацию исторической и культовой общности Балканской Греции и Причерноморья. Подводя итог, можно сказать, что образы античной мифологии самым причудливым образом переплетаются с историческими реалиями, которые, за редким исключением, мы можем выявлять лишь опосредованно. Поскольку античный период в Крыму начинается примерно с VI в. до н. э., то есть во время появления первых греческих городов на территории полуострова, практически всю предысторию данного периода мы вынуждены восстанавливать по данным античных авторов, которые питали к жителям Тавриды совсем не дружеские чувства. Тем не менее в мифологии греков, тавров, скифов и других народов Северного Причерноморья эта предыстория представляет единый процесс, который лег в основу последующей европейской цивилизации.

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер., ст. и прим. В. Г. Боруховича. Л., 1972.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1064–1112.
3. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л., 1948.
4. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; изд. подг. А. И. Зайцев. М., 1990.

5. Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского; под ред. И. М. Тронского. М., 1985.
6. Геродот. История в 9 книгах / пер. Г. А. Стратоновского. Л., 1972.
7. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. П. Лукьяненко; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. М., 1992.
8. Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1 / пер. И. Анненского. М., 1999.
9. Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004.
10. Обидина Ю. С. Восток-Запад: проблемы диалога и конфронтации греков и варваров // *Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji Wschodnie partnerstwo – 2013. Vol. 10. Politologija. Przemysł*, 2013. P. 24–28.
11. Обидина Ю. С. Женские образы в комедиях Аристофана: источниковедческая перспектива и воображаемый реализм // *Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола*, 2014. № 7. С. 119–125.
12. Обидина Ю. С. Представление о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола, 2007. Гл. 1.
13. Овидий. Скорбные Элегии. Письма с Понта / пер. С. Шервинский, Н. Вольпин, З. Морозкина, С. Ошеров, М. Гаспаров, А. Парин. М., 1978.
14. Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / пер. С. П. Кондратьева. М., 1994.
15. Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология. М., 2003.
16. Ярхо В. Н. Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1 / пер. И. Анненского. М., 1999. С. 567–590.
17. Edith Hall. *Adventures with Iphigenia in Tauris: A Cultural History of Euripides' Black Sea Tragedy*. Onassis Series in Hellenic Culture. Oxford; New York, 2013.

1. Apollodor. *Mifologicheskaya biblioteka*. Per., st. i prim. V. G. Borukhovicha, L., 1972.
2. Aristotel'. *Poetika. Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii*. Minsk, 1998, pp. 1064–1112.
3. Belov G. D. *Khersones Tavricheskii: istoriko-arkheologicheskii ocherk*. L., 1948.
4. Gomer. *Iliada*. Per. N. I. Gnedicha; izd. podg. A. I. Zaitsev. M., 1990.
5. Gomer. *Odisseya*. Per. V. A. Zhukovskogo; pod red. I. M. Tronskogo. M., 1985.
6. Gerodot. *Istoriya v 9 knigakh*. Per. G. A. Stratonovskogo. L., 1972.
7. Greivs R. *Mify Drevnei Gretsii*. Per. s angl. K. P. Luk'yanenko; pod red. i s poslesl. A. A. Takho-Godi. M., 1992.
8. Evripid. *Tragedii: v 2 t. T. 1*. Per. I. Annenskogo. M., 1999.
9. Zubar' V. M., Rusyaeva A. S. *Na beregakh Bospora Kimmeriiskogo*. Kiev, 2004.
10. Obidina Yu. S. *Vostok-Zapad: problemy dialoga i konfrontatsii grekov i varvarov. Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji Wschodnie partnerstwo – 2013. Vol. 10. Politologija, Przemysł*, 2013, pp. 24–28.
11. Obidina Ju. S. *Zhenskie obrazy v komedijah Aristofana: istochnikovedcheskaja perspektiva i voobrazhaemyj realism. Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskij ezhegodnik*. Joshkar-Ola, 2014. no. 7, pp. 119–125.
12. Obidina Ju. S. *Predstavlenie o bessmertii dushi v kul'ture drevnej Grecii: stanovlenie, jevoljucija, transformacija v hristianskoe voskresenie*. Joshkar-Ola, 2007. Gl. 1.
13. Ovidii. *Skorbnye Elegii. Pis'ma s Ponta*. Per. S. Shervinskii, N. Vol'pin, Z. Morozkina, S. Osherov, M. Gasparov, A. Parin. M., 1978.
14. Pavsanii. *Opisanie Ellady: v 2 t*. Per. S. P. Kondrat'eva. M., 1994.
15. Selivanova L. L. *Sravnitel'naya mifologiya*. M., 2003.

16. Yarkho V. N. Dramaturgiya Evripida i konets antichnoi geroicheskoi tragedii. *Evripid. Tragedii: v 2 t. T. I.* Per. I. Annenskogo. M., 1999, pp. 567–590.

17. Edith Hall. Adventures with Iphigenia in Tauris: A Cultural History of Euripides' Black Sea Tragedy. Onassis Series in Hellenic Culture, Oxford; New York, 2013.

**TAURI IN GREEK MYTHOLOGY:
“TAURIS IPHIGENIA” AS AN IMAGE
OF THE MYTH AND THE MYTHOLOGICAL IMAGE**

Yu. S. Obidina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The article deals with the myth of Iphigenia as an example of the relationship between the Greeks and the tribes inhabiting the Black Sea region before the era of the Greek colonization. It is shown that the image of taurus as the image of the “enemy” was formed not only under the influence of the Greek relations with local tribes, but also as a result of the development the myth from mythological archaic to classical Greek mythology.

Keywords: myth, the Black Sea region, tauri, Iphigenia, Euripides, colonization.

Об авторе:

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, basiley@mail.ru

About the author:

Obidina Yuliya Sergeevna, Doctor of Philosophy, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, basiley@mail.ru